

А.В. Нестерова

*магистрант первого года обучения
департамента «Филологический факультет»
Уральского федерального университета
Екатеринбург (Россия)
E-mail: nenavas@mail.ru*

**Интертекстуальные включения
в рукописном сборнике XVII века «Статир»
(на примере проповеди «Слово о красоте весны»)***

Аннотация. В статье рассматриваются интертекстуальные включения в поучении «Слово о красоте весны» сборника XVII века «Статир». Особое внимание уделяется сопоставлению текста рукописи с текстами источников, авторской мотивации использования большого количества цитат и роли интертекстуальных элементов в композиционной структуре проповеди.

Ключевые слова: «Статир», интертекст, гомилетика, письменность XVII века, творения святых отцов.

Anastasiya V. Nesterova

*Master Student of the Philological Department
of the Ural Federal University
Ekaterinburg (Russia)
E-mail: nenavas@mail.ru*

**Intertextual inclusions in the 17th century
manuscript collection “Stair” (with the example
of the sermon “The Word About the Beauty of Spring”)**

Abstract. The article discusses the intertextual inclusions in the sermon “The Word About the Beauty of Spring” of the 17th century collection “Stair”. The texts of the manuscript and the sources are compared, and special attention is paid to the author’s motivation for using quotations and the role of intertextual elements in the compositional structure.

Keywords: “Stair”, intertextuality, homiletics, 17th century writing, works of the Holy Fathers.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 ««Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)».)

«Статир» – рукописный сборник авторских проповедей, созданный в 1683-1684 гг. в Орле-городке, центре Строгановских владений. Предыдущие этапы исследования позволяют говорить об уникальности содержания сборника и высоком уровне художественной выразительности его текстов. Имя автора рукописи по сей день нельзя определить с научной достоверностью [5], однако его фигура являет собой редкий случай сочетания самобытности авторского взгляда, стремления к творческому переосмыслению библейских сюжетов и опоры на существовавшую в то время традицию гомилетики. В этом плане особого внимания заслуживает проблема интертекстуальных включений в оригинальные авторские сочинения, соотношения творческого начала и заимствований фрагментов из канонических текстов.

В связи с обширностью сборника – 156 «Слов» на 815 листах – для исследования была избрана отдельная проповедь, отличающаяся особенно плотной цитацией. Это «Слово 21. О красоте весны», являющееся второй, завершающей частью проповеди на праздник Вознесения. Символический смысл самого праздника состоит в явлении возможности взаимопроникновения плоти и духа, обожествления всей тварной материи через вознесение обладателя земной плоти в небесный чертог. Содержание праздника задает логику всей проповеди, ему посвященной: в начале происходит восхваление весенней природы, а затем дается символическая интерпретация описанных явлений преображенного мира, позволяющая слушателям ощутить в нем божественное присутствие и проникнуть в глубинный смысл вещей.

Интертекстуальные элементы, понимаемые нами как включения в авторский текст фрагментов чужих текстов, в указанной проповеди представляют собой в первую очередь прямые и скрытые цитаты. Они не выделяются автором специально, но свободно вплетаются в речь, дополняются и модифицируются. В случае прямого цитирования на полях указывается ссылка на автора (например, «Златоуст», «Григорий Богослов», «Кирилл монах», т. е. Кирилл Туровский, «Кирилл Ставровецкий»), иногда – и на конкретный труд. Такие ссылки служат скорее точками опоры на авторитеты, которые придают авторскому тексту вес и позволяют включать собственные мысли. Поскольку автор не всегда указывал определенное сочинение, были изучены тексты проповедей упомянутых авторов на Вознесение и Антипасху и обнаружены схожие выражения, формулировки, образы. Источниками цитирования для данного «Слова», по нашим наблюдениям, выступили следующие тексты:

«Беседа третья на Вознесение» Иоанна Златоуста, «Слово 44. На неделю новую, на весну и в память мученика Маманта» Григория Богослова, «Слово на Антипасху» и «Слово на Вознесение» Кирилла Туровского. Для сопоставительного анализа в данной работе будут приводиться труды двух из перечисленных выше авторов. Тексты проповедей Иоанна Златоуста цитируются по наиболее доступному нам переводу полного собрания сочинений проповедника (под ред. Миня) на русский язык [3], тексты Кирилла Туровского – по источникам, изданным Ереминым [2].

«Слово о красоте весны» буквально пронизано цитатами. Особо внимания достойна авторская мотивация их использования. Если традиционная художественная парадигма так или иначе предполагает ценность авторской индивидуальности, оригинальности стиля, то автор XVII в. видит единственно возможный способ «достойно восхвалить» величие праздника во включении славословия в область священного – т.е. посредством вхождения в его пространство через сакральные тексты. Это тексты Писания и творения Святых Отцов церкви. Помимо этого, возникает традиционный мотив недостойности автора. Самоуничижаясь, он противопоставляет свои скромные возможности величию слова Святых Отцов, что обостряет восприятие слушателя, ожидающего этого противостояния, но не находящего его, поскольку талант автора соотносим с талантом классических церковных писателей: «Мне же убожайшему в премудрыхъ, недоумеваешь ми разумная сила, смежаютмися умнии очи. Боюся приинкнуги во глубину таинъ смотрения Бога Плотноосца и к похвалению сего преславнаго и пресветлаго праздника Вознесения Христова. Обаче зело моя скверная душа радуется, зрю всю тварь красую и веселящуюся, познаваю от сихъ Творца и строителя. Прошу же азъ и молю, вознесшагося днесь во славе, да послеть ми грубому от непостижимаго Своего сокровища Своя благодати. Да и азъ невежда сый, побеседую о премудрыхъ делехъ Господа Своего не отъ моихъ худыхъ и гнилыхъ словесь, но отъ благодати Его и отъ писаний святыхъ» [4, л. 79 об.].

Первая часть проповеди представляет собой воспевание весенней природы. Открывается оно авторскими словами, отражающими постепенное восхождение от земных топосов к небесным: «Да радуется днесь Земля, и вси живущии на ней, играютъ холми, и горы с веселиемъ красуются» [4, л. 80]. Такое начало кажется оправданным и ввиду содержания самого праздника: вознесение происходило на возвышенности – Еленской горе. Далее следует текст, представляющий собой переработку двух источников – «Беседы третьей на Вознесение» Иоанна Златоуста и

«Слова на Антипасху» Кирилла Туровского: «Ныне бо красная весна возсияла есть, югу часто веюшу, землю тонко охлаждающе. Солнце яркою теплотою сияюще, дождеве благопогодливы, рососходительны проливаются, и земная недра мягкостию устраиваются» [4, л. 80]. Нужно отметить, что на полях автор дает ссылку только на Златоуста, но в своем тексте явно использует и «Слово» Туровского. В «Беседе» Иоанна Златоуста можно обнаружить следующий фрагмент: «Теперь воссияла радостная весна и выросли очаровательные цветы; ветви виноградника обременены плодами, масличные деревья цветут, смоковницы уже произвели свои плоды, и густейшие нивы приводятся в движение зефиром, подражая приятному колебанию морских волн» [3, с. 889]. Некоторые образы возникли на основе «Слова» Туровского: «Днесь весна красуется оживляюще земное естество, и бурнии ветри тихо повевающе плоды гобьзуют [умножают], и земля семена питаючи зеленую траву ражаеть» [2, с. 416]. Как видно из приведенных текстов-источников, автор довольно свободно обращается с цитатами и творчески перерабатывает их, дополняя своими выражениями и образами.

Затем следует довольно обширный фрагмент, представляющий собой компиляцию в произвольном порядке цитат из проповеди Григория Богослова «Слово 44. На неделю новую, на весну и в память мученика Маманта» с включением собственно авторских выражений. На полях указана ссылка на Григория Богослова с уточнением текста источника – «В новую неделю». Приведем весь фрагмент, выделяя курсивом собственно авторские слова: «И земли делатель рало водружаеть, горе взирая Плодоподателя призываеть. Подь яремь вола подпрягаеть, и сладкую бразду разсекаеть, и о надежди своей веселится. Ныне реки брегомь меряются, и источницы горстии наполняются. *Ныне земля плодоносит сады, садове же зеленеющися приносят плоды.* Травникь благоухаеть, и земля злакъ прозябаеть. Ныне пастырь овчий и говядарь, уготовляет свирель и пастырскую воспевають песнь. *Ныне скоти тучнеютъ, и на зеленеющихся лузехъ почивютъ. Ныне море благомирно волнуется, и ветри тонцы равностию дышутъ,* корабленицы от пристанища благонадежде отвозятся, с песнями и органы, ядрила воскриляютъ, *и радостно безбедно в пристанище си достигаютъ.*

Ныне рыбаеве глубину прозираютъ, устрающе мрежи, присеждаютъ камением ловитвы сотворяютъ. Ныне убо люботрудная пчела, крило отвлекши, от улии воставеть, и своего художества мудрость показуеть, и травники прелетаеть, и цветы покрадеть, и ова убо соты устраетъ,

ова медь во влагалище полагаетъ, и тако странствующи, плодъ сладокъ, и неоранъ содеваетъ». [4, лл. 80-80 об.]. Как уже было сказано, высказывания текста-источника располагаются в порядке, избранном самим автором, многие из них опускаются. Завершает описательный пассаж фрагмент, частично позаимствованный из упомянутого нами труда – «Беседы третьей на Вознесение» Иоанна Златоуста, причем трансформируется уже приведенное высказывание, но распространение образа происходит в ином контексте: «Ныне древесна листвие испускають, и красныя винныя ветви летняя израстають. Ластовицы и славиеве при источницехъ веселыя песни воспевають, земледелателя утешають» [4, л. 80 об.].

Наиболее концептуальной и значимой в авторском восприятии можно назвать вторую часть проповеди, представляющую собой аллегорическую интерпретацию явлений природы, описанных в первой части. Природа в сознании автора предстает не только объектом созерцания, свидетельством божественного величия, но и книгой, которую можно прочесть, раскрыв символический смысл происходящего преобразования тварного мира. Переход ко второй части «Слова» маркируется авторскими словами: «Но вся сия восходомъ Господнимъ красятся и светлеють, и всеми тако Богъ прославляется, и нами чрезъ сия познавается. Сия образования положишася нашего спасения устроение. Есть же любимицы сие разумети, аще похощете послушати» [4, л. 80 об.]. Предупредив слушателей, автор переходит к интерпретационной части.

Толкование явлений природного мира возникает на основе «Слова на Антипасху» Кирилла Туровского. Подобная интерпретация была обнаружена из изученных нами текстов лишь у него. Примечателен тот факт, что автора не удовлетворяет лишь живописание внешней стороны преображенной природы, он стремится проникнуть вглубь явлений и из всей массы текстов избирает соответствующие его установке цитаты. Первая и вторая части сопоставимы по объему и построены по принципу структурного параллелизма: каждое явление, описанное в первой части «Слова» (цитаты из Златоуста и Григория Богослова) эхом откликается во второй, «поясняющей» части (опора на текст Кирилла Туровского). Цитаты в обеих частях трансформируются, причем во втором пассаже автор использует образы из проповеди Туровского, но предлагает иную, оригинальную интерпретацию. Стоит отметить, что в большей степени второй пассаж «подстраивается» под первый, повторяя его перечислительную логику. Так, бессознательно утверждается авторитет святых отцов греческой церкви как общепризнанных носителей богословской традиции, и Кирилл

Туровский как бы являет собой их преемника. Заимствуя тексты источников, связанных с различными праздниками – Вознесением и Антипасхой – и от авторов, удаленных как хронологически, так и географически (Григорий Богослов и Кирилл Туровский), автор создает стройное единство, возможное в общем пространстве христианской традиции.

Здесь представляется необходимым сопоставить фрагменты второй части проповеди с текстом источника («Слово на Антипасху» Кирилла Туровского).

Начинается второй пассаж следующими словами: «Весна убо красная вера Христова, яже крещением порождает человеческое естество въ сыновство Божие, югъ же хладостный веущъ – покаяниемъ грехи оставляются, и искореневаются, и добродетель плодоносится» [4, л. 80 об.]. Эти строки практически полностью воспроизводят текст источника: «Весна убо красная есть вера Христова, яже крещением поражаетъ человеческое паки естество; бурнии же ветри – грехотворнии помыслы, иже покаяниемъ претворшеса на добродетель душеполезныя плоды гобъзуютъ [умножают]» [2, с. 416].

Далее в проповеди следует оригинальный авторский текст: «Дожде проливаются – апостольския сердца Духа Святаго наполняются, и во всю вселенную слово учения распростирается» [4, лл. 80 об.-81].

Продолжается он переработанной цитатой: «Ратай вола ярму подпрягаетъ – языцы на веру Христову притекають, и крестъ Его в сердца своя водружаютъ. И о надежди своего сеяния апостоли веселятся. Понеже бо имъ паче всехъ за трудъ мзда готовится» [4, л. 81]. Ср. источник: «Ныня ратаи [пахарь] слова словесныя уньца [тельцы] к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе, надежами будущихъ благъ веселятся» [2, с. 417]. В авторском тексте речь идет о язычниках, обращающихся апостолами в Христову веру, Туровский же говорит о священниках, проповедниках, призывающих паству к покаянию. При схожести образов возникает различная трактовка.

Продолжая логику своего текста, автор вновь говорит о язычниках, обращаемых в христианство: «Реки бо учения ихъ [т.е. апостолов] брегомы равняются, и они словесную мрежу, евангельскую проповедь, по всей вселенной распростирають, и полну церковь от всехъ языкъ собраша» [4, л. 81]. Ср. источник: «Ныня реки апостольския наводняются, и язычныя [словесныя] рыбы плод пуцають, и рыбаи глубину божия вочеловечения испытавше, полну церковную мрежу ловитвы обретають» [2, с. 417].

Далее автор решает избрать ровно противоположное оригинальному толкование образа. Кирилл Туровский говорит о язычниках, для автора же агнцами и тельцами становятся «вернии чада избранная»: «Агнцы и волове тучнеють – вернии чада избранная, от матери церкви млекомо духовной благодати питають» [4, л. 81]. Ср. источник: «Агньца глаголю кроткия от язык люди, а уньца [тельцы] – кумирслужителя неверных стран, иже Христовымь вочеловечениемь, и апостольскимь учениемь и чудесы, скоро по закон емьшеся [взявшись], к святей церкви возвратившеся, млеко си учения сосуть, да и учителя Христова стада о всех молящеся Христа бога славять, вся волкы и агньца в едино стадо собравшаго» [2, с. 416].

После этого следует оригинальный авторский текст: «Море мирно волнуется, языкъ злейшее идолобесие разрушися, и корабль церковь матери наша безбедно, Христовою силою окормляема, чрезъ всю вселенную, немятежно законы содержать» [4, л. 81].

В следующих строках можно вновь обнаружить переработанную цитату: «А еже древа прозябають, и садове зеленеють, ластовицы и славиеве воспевають, познавается, прежде неплоднии язычестии страны, сии ныне своя души Христу плодъ злачень приносять. И проповедують, и радостно прославляють» [4, л. 81]. Ср. источник: «Ныня древа леторасли [отрасли] испущають, и цветы благоухания процвитають, и се уже огради сладку подавають воню [благоухание], и делатели с надежею тружajúщеся плододавца Христа призывають. Бехом бо [и мы] преже аки древа дубравная неимущи плода, ныня же присадися [привилась] Христова вера в нашемь неверьи, и уже держащеся корене Иосеева, яко цвети добродетели пуцающе, райскаго паки жития о Христе ожидаютъ, да и святители о церкви тружajúщеся от Христа мзды [награды] ожидаютъ» [2, с. 416-417]. Можно обнаружить, что в «Статире» происходит расширение образности по сравнению с текстом оригинала, зеленеющие сады и деревья становятся прообразом обращенных в веру язычников.

Завершается фрагмент, апеллирующий к тексту Туровского, толкованием образа пчелы: «Премудрая пчела хитрость показуетъ: еже есть учителя церковнии, труждаются день и ночь, в читании божественных писании и умышлении» [4, лл. 81-81 об.]. Ср. источник: «Ныне мнишьскаго [монашеского] образа трудолюбивая пчела свою мудрость показавши вся удивляетъ; яко же бо они в пустынях самокормиемь живуще ангелы и человекеы удивляютъ, и си на цветы възлетаючи медвены соты стваряють, да человекомь сладость и церкви потребная подасть» [2, с. 417].

Можно сказать, что, помимо очевидной трансформации текста источника, автор стремится к более лаконичной и выразительной с художественной точки зрения форме изложения мыслей. Он не пускается в пространные разъяснения каждого образа, но, приводя аллегорическое толкование, делает небольшой акцент, позволяя слушателям развить интерпретацию образа самостоятельно. Не последнюю роль играет стремление создателя рукописи ритмизировать свой текст, в связи с чем он становится более сжатым и образным. Безусловно, стоит отметить самобытность в создании и интерпретации системы символов, несмотря на использование текстов святых отцов. При составлении собственной проповеди автор опирается на тексты нескольких авторов, посвященные разным праздникам, перерабатывая их создавая новое смысловое единство, имеющее стройную композиционную структуру, которая отражает авторский замысел. В ходе дальнейших исследований предполагается рассмотреть интертекстуальные связи на примере других текстов сборника и выявить определенные закономерности обращения к тем или иным источникам в связи с тематикой авторских сочинений.

Литература

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : CODA, 1997. 343 с.
2. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л.: АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 409—426.
3. Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений в 12 т. в рус. переводе. Т. 3. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. 996 с.
4. Сборник «Статир». 1683–1684 гг. // РГБ. Собр. Румянцева № 411. 815 л. 4° (30 x 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: пропущены лл. 474 (II сч.), 187 (III сч.); нумерованы дважды лл. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены лл. 250, 251 (III сч.).
5. Соболева Л.С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник Новосиб. гос. ун-та / Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8 : Филология. с. 175–186.
6. Яхонтов И.К. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб, 1883. Переиздано с готовых диапозитивов: М., 1997. С. 3-15.